

«Уничтожить германский милитаризм»

Император Николай II и секретные договоренности с западными союзниками (1914—1917)

Переговоры между императором Николаем II и правительствами Англии и Франции о предстоящем территориальном и политическом переделе Европы начались с самого начала войны. 1 (14) сентября 1914 года посол Франции в Петрограде Морис Палеолог телеграфировал министру иностранных дел Теофилю Делькассе о состоявшихся между ним, С. Д. Сазоновым и сэром Джорджем Бьюкененом переговорах, на которых были сделаны предварительные наброски будущих территориальных изменений после поражения Германии и Австро-Венгрии. В ходе беседы были записаны следующие пункты:

1. Главной задачей трех союзников является уничтожение могущества Германии как инструмента военного и политического доминирования.

2. Россия присоединяет нижний бассейн Немана и восточную часть Галиции. Россия присоединяет, кроме того, для Царства Польского Восточную Познань, Южную Силезию и западную часть Галиции.

3. Франция возвращает Эльзас и Лотарингию, добавив к ним по своему выбору часть рейнской Пруссии и наместничество.

4. Бельгия получит в районе Баден-Бадена важный кусок территории.

5. Шлезвиг-Гольштейн будет передан Дании.

6. Королевство Ганновер будет восстановлено.

7. Австро-Венгрия станет трехсоставной монархией из Австрийской империи, королевства Богемии и Венгерского королевства. Австрийская империя будет состоять исключительно из старых наследственных провинций.

8. Венгрия и Румыния должны будут стовориться по поводу Трансильвании.

9. Сербия присоединит Боснию и Герцеговину, Далмацию и Северную Албанию.

10. Болгария предоставит Сербии компенсацию за Македонию.

11. Греция присоединит Южную Албанию, кроме Влеры, которая отойдет Италии.

МУЛЬБАТУЛИ Петр Валентинович — начальник центра анализа и оценок ЦГИ Российского института стратегических исследований, кандидат исторических наук.

Ключевые слова: Николай II, западные союзники, Антанты, Первая мировая война, история внешней политики, Россия, Великобритания, Франция, США, Февральская революция.

12. Англия, Франция и Япония разделят между собой немецкие колонии.

13. Германия и Австро-Венгрия возместят ущерб, причиненный войной.

Таким образом, по поводу приобретений России в ходе беседы было определено: присоединение нижнего бассейна Немана и восточной части Галиции, а также Восточной Познани, Южной Силезии и западной части Галиции, которые должны были войти в состав Царства Польского в составе Российской империи¹.

8 (21) ноября 1914 года в Царском Селе состоялась встреча Николая II с Палеологом, на которой были подняты вопросы территориальных изменений после победы². Содержание беседы нашло разное отражение в мемуарах Палеолога и его телеграфном послании президенту республики Раймону Пуанкаре. В воспоминаниях Палеолог приписывает царю следующие слова: «Самое главное, что мы должны сделать, это уничтожить германский милитаризм, положить конец тому кошмару, в котором Германия нас держит вот уже больше сорока лет. Вот как, приблизительно, я представляю себе результаты, которых Россия вправе ожидать от войны и без которых мой народ не понял бы тех трудов, которые я заставил его понести. Германия должна будет согласиться на исправление границ в Восточной Пруссии. Мой Генеральный штаб хотел бы, чтобы это исправление достигло берегов Вислы; это кажется мне чрезмерным; я посмотрю. Познань и, быть может, часть Силезии будут необходимы для воссоздания Польши. Галиция и северная часть Буковины позволят России достигнуть своих естественных пределов — Карпат. В Малой Азии я должен буду, естественно, заняться армянами; нельзя будет, конечно, оставить их под турецким игом. Должен ли я буду присоединить Армению? Я присоединю ее только по особой просьбе армян. Если нет — я устрою для них самостоятельное правительство. Наконец, я должен буду обеспечить моей Империи свободный выход через проливы. Мысли мои еще далеко не установились. Ведь вопрос так важен... Существуют все же два вывода, к которым я всегда возвращаюсь. Первый, что турки должны быть изгнаны из Европы; второй — что Константинополь должен отныне стать нейтральным городом, под международным управлением. Само собою разумеется, что магометане получили бы полную гарантию уважения к их святыням и могилам. Северная Фракия, до линии Энос — Мидия, была бы присоединена к Болгарии. Остальное, от этой линии до берега моря, исключая окрестности Константинополя, было бы отдано России»³.

Военный министр (1909—1915) генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов обвинял французского посла во лжи: «В своих воспоминаниях

¹ См. M. Paléologue à T. Delcassé. 14 septembre 1914 // Documents diplomatiques français (далее — DDF). 1-re série. 1914 (3 août—31 décembre). Paris, 1999. Vol. 1. P. 206—207.

² См. Дневники Императора Николая II. 1894—1918: в 2 т. / отв. ред. С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2013. Т. 2. Ч. 2: 1914—1918. Запись за 8 ноября 1914 года. С. 71.

³ Цит. по: Палеолог М. Царская Россия в Первой мировой войне. М.: Международные отношения, 1991. С. 125—129.

о пребывании у нас Палеолог рассказывает разные небылицы. Кто хотя мало-мальски имеет понятие о характере, манере говорить императора Николая II, тот не поверит ни одному слову Палеолога. Сфабрикованы у Палеолога его политические фантазии под видом дружеской беседы с французским послом Государя, якобы “питавшего большие личные симпатии” к нему. Такие выражения, как “мой народ не понял” и “мой генеральный штаб хотел”, не свойственны были образу речи Государя. Об “устьях Вислы” г. Палеолог сообщил мне новость, на которую я ему могу сказать, что это чистейшая выдумка, ибо император Николай ему этого говорить не мог, раз подобный вопрос “в моем генеральном штабе” не возбуждался. Приписка к этой фантазии “я посмотрю” сорвалась с пера Палеолога, когда он почувствовал сам, что зарпортовался, заведя Государя в чужой огород, так как это вопросы МИД, а не военного. По неискusной подделке этой ясно, что Палеолог совсем не знает Николая II и вкладывает в его уста всякий тенденциозный вздор столичных политиков»⁴.

В телеграмме Палеолога президенту Пуанкаре от 8 (21) ноября 1914 года разговор с Николаем II изложен гораздо в более деловом тоне. Согласно Палеологу, царь высказал следующие намерения России:

— по Германии: присоединение к Российской империи Восточной Пруссии, Познани и польской Силезии; реставрация Ганноверского независимого королевства; передача Шлезвига Дании; возвращение Эльзаса и Лотарингии Франции;

— по Австрии: присоединение к России Галиции и Буковины; передача Боснии и Герцеговины — Сербии, Трансильвании — Румынии. Кроме того, Николай II высказался за предоставление независимости Богемии, Моравии, Каринтии и Хорватии⁵.

Примечательно, что Палеолог ничего не сообщал о планах Николая II по «изгнанию турок» и «овладению Константинополем», о которых он пишет в своих мемуарах. По всей видимости, эта тема не обсуждалась в Царском Селе 8 (21) ноября. При этом если раздел Германии не вызывал у французского посла никаких возражений, то раздел империи Габсбургов, который он называл «уничтожением Австро-Венгрии», виделся ему нежелательным. Мнение Палеолога было поддержано Теофилом Делькассе. В своей телеграмме послу он настойчиво рекомендовал «не произносить ни слова, которое могло бы дать возможность русскому правительству предположить, что мы поддерживаем его претензии на Австрию»⁶. 31 марта (13 апреля) 1915 года Палеолог в телеграмме Делькассе сообщал, что русское правительство уже не собирается ограничиться присоединением Галиции и Буковины: «Они хотят аннексировать также южные склоны Карпат, которые населены славянскими народами (вплоть до Мукачева и Сигета)»⁷.

⁴ Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2005. С. 304.

⁵ См. M. Paléologue à Président R. Poincaré. 16 avril 1915 // DDF. 1-re série. Paris, 2002. Vol. 1. P. 423—424.

⁶ *Ibid.* P. 424.

⁷ M. Paléologue à T. Delcassé. 16 avril 1915 // DDF. 1-re série. Paris, 2002. Vol. 1. P. 424.

В начале 1915 года главным вопросом переговоров между Россией и союзниками становится передача проливов Босфор и Дарданеллы под контроль России. Следует признать, что довольно распространенное в исторической науке и общественном мнении убеждение, что, вступая в Первую мировую войну, Россия ставила своей первоочередной задачей захват черноморских проливов, является сильным преувеличением. В августе 1914 года Россия не могла планировать захват Проливов, так как Османская империя вступила в войну на стороне германского блока лишь в конце октября того же года. При этом Петербург прилагал немало усилий, для того чтобы не допустить вступления Стамбула в войну, отлично понимая всю опасность для себя возникновения нового фронта. Вплоть до самого нападения османско-германского флота на российское побережье русская дипломатия вела упорную работу с целью убедить младотурецкое правительство вступить в войну на стороне Антанты. Взамен этого, Петербург гарантировал полную территориальную неприкосновенность Османской империи, а значит, вопрос о Проливах и Константинополе автоматически снимался с повестки дня⁸. По данным О. Р. Айрапетова, еще в сентябре 1914 года во время Восточно-Прусской операции «про Константинополь никто не думал»⁹.

Нападение Османской империи на Россию в ноябре 1914 года коренным образом изменило ситуацию. В своем манифесте от 2 (15) ноября Николай II говорил, что «безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет для России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»¹⁰. 19 февраля (4 марта) 1915 года И. Л. Горемыкин довел до сведения министров, что великим князем Николаем Николаевичем получена «директива Государя Императора о необходимости воспользоваться настоящей войной для завладения Босфором и Дарданеллами»¹¹.

Вопрос о скорейшем захвате Проливов воспринимался многими представителями русской государственной мысли как дело первостепенной важности. Некоторые из них полагали, что контроль России над Проливами важнее союза с Антантой. Так, посланник в Сербии князь Г. И. Трубецкой писал министру С. Д. Сазонову: «Проливы должны принадлежать нам. Если мы сможем получить их от Франции и Британии, борясь с Германией, тем лучше; если нет, будет лучше получить их в союзе с Германией против всех остальных»¹².

Успешные действия русской армии в Галиции и Карпатах зимой—весной 1915 года побудили Николая II активизировать перед союзни-

⁸ См. об этом: Мультатули П. В. Внешняя политика Императора Николая II, 1894—1917. М.: ФИВ, Рос. ин-т стратег. исследований, 2012. С. 691.

⁹ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801—1914). М.: Европа, 2006. С. 609.

¹⁰ Высочайший манифест // Нива. 02.11.1914.

¹¹ Заседание Совета министров от 19 февраля 1915 года [выписка] // Российский государственный архив ВМФ (далее — РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 2. Д. 273. Л. 28.

¹² Цит. по: Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. С. 130.

ками вопрос о Проливах. 22 февраля (6 марта) того же года С. Д. Сазонов телеграфировал послу в Париже А. П. Извольскому текст русской ноты союзным правительствам: «Ход последних событий привел Его Величество Императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть решен окончательно согласно вековым чаяниям России. Все решения будут несостоятельны и непрочны, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, так же как Южная Фракия вплоть до линии Энос—Мидиа, не будут включены в состав Российской империи. Особые интересы Франции и Великобритании в этом регионе будут самым тщательным образом уважены»¹³.

В начале марта 1915 года Россией и союзниками была разработана концепция будущего управления оккупированным Константинополем. Каждая страна должна была направить туда своего главноуполномоченного. Русский МИД направил в Главный штаб ВМФ секретный документ «Об установлении штата временного управления императорского русского Главноуполномоченного в Царьграде». В нем определялось гражданское управление городом, которое должно было временно осуществляться тремя главноуполномоченными: русским, французским и английским. Однако при этом в документе подчеркивалось: «Необходимо иметь в виду, что установление прочного порядка в Царьграде важно главным образом для России, которой придется в дальнейшем будущем управлять краем»¹⁴.

14 (27) марта английский посол в Петрограде сэр Джордж Бьюкенен вручил С. Д. Сазонову меморандум, составленный им на основании инструкций из Лондона. В нем подтверждалось согласие английского правительства на присоединение к России Проливов, Константинополя и указанных территорий при условии, что война будет доведена до победного конца, а Великобритания и Франция осуществят свои пожелания за счет Османской империи¹⁵.

Весной 1916 года председатель Совета министров Б. В. Штюрмер доложил императору Николаю II о необходимости «ныне же объявить России и Европе о состоявшемся договоре с нашими союзниками, Францией и Англией, об уступке России Константинополя, Проливов и береговых полос. Впечатление, которое произведет в России осуществление исторических заветов, будет огромное. Известие это может быть изложено в виде правительственного сообщения. Я имел случай обменяться мнением с послами великобританским и французским, которые не встречают к сему препятствий»¹⁶.

Между тем англичане, вынужденные на словах согласиться с требованиями Николая II по Босфору и Дарданеллам, на деле стремились сде-

¹³ Note russe. 6 mars 1915 // DDF. 1-re série Paris, 2002. Vol. 1. P. 397.

¹⁴ О Главноуправляющем Царьграда // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 274. Л. 17—18.

¹⁵ См. Сазонов С. Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. С. 114.

¹⁶ Отношение Б. В. Штюрмера императору Николаю II // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 12—13.

лать все, чтобы максимально уменьшить будущее русское господство в этом регионе. Английский посол в Париже Фрэнсис Берти отмечал в своем дневнике 13 (26) февраля 1915 года: «Здесь все больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится вне Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы москвит не имел возможности совершенно самостоятельно решить вопрос о будущем этого города и проливов — Дарданелл и Босфора»¹⁷.

Англо-французское командование приступило к разработке Дарданелльской операции, не поставив в известность Россию. Главную цель операции англо-французское командование объясняло «установлением прочной связи с Россией»¹⁸. Операция готовилась крайне поспешно. Позже английский адмирал Валис признал, что «во всей мировой истории нет ни одной операции, которая была бы предпринята на столь скорую руку и которая была бы столь плохо организована»¹⁹. А. П. Извольскому стало известно о намерениях союзников, и он поспешил уведомить об этом Петроград²⁰.

5 (18) марта 1915 года союзники начали штурм 24-х турецких фортов, находившихся под командованием немецких офицеров. Все попытки англичан и французов совершить высадку закончились провалом, стоившим союзникам 20 тысяч человек убитыми²¹. Сразу же после провала высадки союзников Николай II отдал приказ о подготовке Босфорской десантной операции. Первоначально ее планировали на осень 1916 года. Было решено предпринять высадку у входа в Босфор для завладения его укреплениями. С этой целью из отборных частей была сформирована дивизия под командованием генерал-лейтенанта А. А. Свечина. Операцией должен был руководить генерал Н. Г. Щербачев, на должность начальника его штаба предполагался генерал Н. Н. Головин²².

Летом 1916 года командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак был вызван в Могилев, где имел продолжительную встречу с Николаем II и М. В. Алексеевым по поводу Босфорской операции. На Колчака возлагалась задача подготовить морские силы для проведения операции, которую планировали начать после вступления в войну на стороне Антанты Румынии²³. Русские войска должны были продвигаться вдоль западного побережья Черного моря и, форсировав Босфор, перенести боевые действия на территорию Турции. Предполагалось, что

¹⁷ Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914—1919). М.; Л., 1927. С. 49—50.

¹⁸ Galland P. Histoire de la Grande Guerre. Paris, 1974. P. 77.

¹⁹ См. Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб.: Бельведер, 2000. С. 453.

²⁰ См. Бубнов А. Д. В Царской Ставке. М.: Вече, 2008. С. 102.

²¹ Galland P. Histoire de la Grande Guerre. P. 78.

²² См. Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 114.

²³ См. Допрос Колчака. Л.: Ленгиз, 1927. С. 30—31.

Черноморский флот будет содействовать сухопутной операции высадкой десантов, огнем артиллерии, захватом Босфора и, наконец, ударом по Константинополю²⁴.

Поражение Румынии заставило русское командование перенести десантную Босфорскую операцию на весну 1917 года. А. Д. Бубнов вспоминал: «По повелению Государя было тотчас же приступлено к сформированию десантной дивизии, причем Государь повелел, чтобы для укомплектования этой дивизии было отправлено достаточное число особо отличившихся в боях офицеров и солдат — георгиевских кавалеров»²⁵.

Босфорская операция, на которую император Николай II возлагал столь большие надежды, стала невозможной после Февральского переворота 1917 года. А. А. Керсновский писал по этому поводу: «Император Николай Александрович чувствовал стратегию. Ключ к выигрышу войны находился на Босфоре»²⁶.

Николай II в ходе долгих переговоров добился от союзников признания ими за Россией важнейших в геополитическом плане территорий. Главной причиной, по которой Англия и Франция были вынуждены признать за Россией эти территории, стали выдающиеся победы русского оружия, рост российского военного и экономического могущества.

После выдающихся побед русской армии на Кавказском фронте, взятия Эрзерума и Трапезунда, между Россией, Англией и Францией весной 1916 года было достигнуто соглашение о разделе Азиатской Турции. В обмен на признание Россией создания независимого арабского государства под эгидой Англии и Франции последние признали за ней территории, о чем британское правительство уведомило русского посла в Лондоне графа А. К. Бенкендорфа²⁷. В его телеграмме С. Д. Сазонову от 17 (30) мая 1916 года говорилось, что Англия согласна со следующими российскими притязаниями: «1. Россия аннексирует область Эрзерума, Трапезунда, Вана, Битлиса, вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережье Черного моря, к западу от Трапезунда. 2. Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сортом, течением Тигра, Джезире-ибн-Ома-

²⁴ См. Бубнов А. Д. В Царской Ставке. С. 197.

²⁵ Там же. С. 201.

²⁶ Керсновский А. А. История Русской армии. М.: Голос, 1994. Т. 4. С. 181.

²⁷ См. об этом: Мультатули П. В. Внешняя политика Императора Николая II, 1894—1917. С. 744.

ром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России». На подлиннике телеграммы Николай II написал: «Согласен, кроме 1-й ст. Если нашей армии удастся дойти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница»²⁸.

Особую роль Россия отводила будущему статусу Палестины. 4 (17) марта 1916 года в памятной записке МИД послам Англии и Франции было заявлено: «Что касается Палестины, то российское правительство согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся на Святой Земле, свободное отправление своего культа, равно как и сохранение их прежних прав и привилегий, и не выставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране»²⁹.

Этим заявлением императорское правительство пыталось в какой-то мере успокоить страхи молодого, но все более влиятельного сионистского движения. Сионисты опасались, что переход Святой земли и Иерусалима под контроль православной империи будет означать крушение их планов о построении еврейского государства. Охранное отделение еще в 1914 году сообщало: «Среди евреев идет возбуждение по поводу русско-турецкой войны. Боятся, что русские, победив Турцию, могут лишить евреев сионистских плодов их долголетних усилий в Палестине»³⁰.

В феврале—марте 1917 года, когда в Петрограде уже свирепствовал бунт, правительство Французской республики официально признало за Россией «полную свободу в определении ее западных границ»³¹.

Таким образом, Николай II в ходе долгих переговоров добился от союзников признания ими за Россией важнейших в геополитическом плане территорий. Главной причиной, по которой Англия и Франция были вынуждены признать за Россией эти территории, стали выдающиеся победы русского оружия в Галиции и на Кавказе, рост российского военного и экономического могущества, способность России успешно воевать фактически в одиночку на всех фронтах Великой войны.

На Западе пришло осознание того, что Россия способна успешно вести войну, а ее экономика гораздо сильнее, чем об этом было принято считать. В правящих кругах Запада стала расти серьезная озабоченность в связи с той ролью, какую Россия должна была играть в послевоенном устройстве мира. «Серый кардинал» американского президента Вудро Вильсона Эдвард Мандел Хаус, более известный в истории как «полковник» Хаус, еще 22 августа 1914 года писал в Вашингтон: «Если победят союзники, то это главным образом будет означать господство России на Европейском континенте. Если же победит Германия, это означало бы пришествие на целые поколения несказанной тирании милитаризма. Нам пришлось бы сойти с того пути, который Вы осветили для будущих

²⁸ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 / под ред. Е. А. Адамова. М., 1952. С. 452—453.

²⁹ Там же. С. 447.

³⁰ О сионистах // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО 1914. Д. 343. Л. 312.

³¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. С. 457.

поколений с постоянным миром как конечной целью и новым международным кодексом морали как путеводной звездой, и вместо этого создавать военную машину грандиозных размеров»³². Будущее показало, что США вполне сумели сочетать «новую мораль» с «военной машиной грандиозных размеров». В этом письме весьма важно то, что Хаус и его единомышленники хорошо понимали, что в случае победы Антанты главной страной в Европе станет самодержавная Россия.

Отношение к России Хаус высказал достаточно откровенно, заметив, что «остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная европейская часть страны»³³.

Обладание Проливами и Константинополем позволило бы России контролировать военные и торговые пути в Средиземное море, открывало ей дорогу в Азию, Индию и Африку. Господство России в Проливах означало бы быстрое окончание войны в пользу Антанты. Это, к слову сказать, понимали как немцы, так и союзники. Гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц писал: «Если Дарданеллы падут, то война для нас проиграна...». Ему вторил французский капитан I ранга Клод Фарер: «Если бы проливы были открыты, Гинденбург был бы побежден в Польше, и пал бы немецкий фронт во Франции... сообщение между Средиземным и Черным морями было бы восстановлено. Русская армия была бы обильно снабжена военным снаряжением, а наша армия была бы подкреплена русскими полками. Турция была бы принуждена капитулировать, и война была бы закончена»³⁴.

Такое завершение войны не устраивало английские и в особенности американские правящие и финансовые круги. Война должна была закончиться по их сценарию, и в этом сценарии для России не было места. Глава французской военной миссии при царской Ставке дивизионный генерал Морис Жанен записал в свой дневник 7 апреля 1917 года, что Февральская революция «руководилась англичанами и конкретно лордом Мильнером и сэром Бьюкененом»³⁵.

Не был в стороне от планов по ослаблению России и французский посол. Изображая из себя верного друга России, Палеолог весной 1916 года вел тайные переговоры с польскими сепаратистами. По существу, за спиной своего союзника Франция обсуждала планы расчленения территорий Российской империи. 4 марта 1916 года посол Палеолог отправил секретную записку министру иностранных дел Франции Аристиду Бриану, в которой признавал польский вопрос «одним из самых сложных». Эта сложность, по его словам, объяснялась тем, что император Николай II и превалирующее русское общественное мнение выступают против восстановления польской государственности, в то время как «Франция не может быть безразлична к чаяниям поляков. Она должна

³² Архив полковника Хауса. М., 1937. Т. 1. С. 83—84.

³³ Уткин А. И. Первая мировая война. С. 76.

³⁴ Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград, 1922. Кн. 8. С. 246.

³⁵ Goulevitch A. Tsarism and Revolution. Hawthorn (CA), 1962. P. 230.

по своей традиции им помочь обрести родину». Палеолог писал, что в настоящее время, пока идет война, эта помощь может происходить только в сепаратных формах. Но «когда придет день мира, когда Россия будет готова реализовать свои грандиозные планы, которые обещает эта война, Франция должна протянуть руку помощи Польше». Французский посол указывал на необходимость объединения усилий всех союзных государств для достижения польской независимости. «Территориальное восстановление польского государства, — подчеркивал он, — может быть реализовано только нашими общими усилиями»³⁶.

К этому же времени относится начало активной финансовой помощи некоторых представителей американских финансовых кругов внутри-российской оппозиции. Это финансирование, кстати, часто шло через германские банки, поэтому их впоследствии называли «германскими деньгами». П. Н. Милуков открыто говорил: «...ни для кого не тайна, что германские деньги сыграли роль в Февральской революции»³⁷.

Первый секретарь русского посольства в Вашингтоне граф И. Г. Лорис-Меликов сообщал 17 (30) марта 1916 года, что «никакая иностранная нация не имеет в Америке столько банков, сколько Германия <...> Если в настоящее время они и считаются американскими, то не подлежит сомнению, что интересами своими они все еще тесно связаны с Германией»³⁸. К концу 1916 года Бьюкенен был хорошо осведомлен от П. Н. Милукова, с которым находился в постоянном общении, о планах оппозиции по свержению императора Николая II³⁹. Эти сведения посол передавал премьер-министру Д. Ллойд-Джорджу в Лондон⁴⁰. Товарищ министра внутренних дел генерал П. Г. Курлов в своих мемуарах писал, что «розыскные органы ежедневно отмечали сношения лидера кадетской партии Милукова с английским посольством»⁴¹.

Таким образом, мы видим, что внешняя политика правительств западных союзников в отношении императорской России к концу 1916-го — началу 1917 года претерпела кардинальное изменение. Из союзнической она превратилась во враждебную. Причина этой враждебности была вызвана не пресловутой угрозой сепаратного мира, который якобы хотел заключить царь с Германией, и не мифическими военными поражениями русской армии, а как раз наоборот — успехами России на фронте и в экономике, которые делали грядущую победу России в войне неизбежной. Это означало, что западным державам пришлось бы считаться с Россией как державой-победительницей и выполнять взятые перед нею территориальные обязательства, что было крайне нежелательно для правительств западных держав Антанты. ◆

³⁶ См.: Maurice Paléologue à Aristide Briand // Ministère des Affaires étrangères [Архив министерства иностранных дел Франции, Париж]. РА. 133; **Paléologue Maurice**. Correspondance politique. Vol. 7.

³⁷ См. **Милуков П. Н.** Почему и зачем мы воюем? Пг., 1917. С. 48—49, 57—58.

³⁸ И. Г. Лорис-Меликов — Б. В. Штюрмеру // Россия и США: дипломатические отношения 1900—1917: документы. М., 1999. С. 628.

³⁹ См. **Курлов П. Г.** Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. С. 214.

⁴⁰ См. **Берберова Н.** Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. N. Y., 1986.

⁴¹ **Курлов П. Г.** Гибель Императорской России. С. 123.